

1. Характеристика источников и источниковедческий обзор

Д. Эйзенхауэр относится к наиболее видным и достаточно противоречивым политическим фигурам США второй половины XX в. Неслучайно его личность и президентство вызвали оживленную дискуссию в американской историографии 1960-1990-х гг. Особой критике деятельность его администрации подверглась в работах исследователей-либералов Дж.М. Бернс «Президентское правление» [3], О. Хэндлин начала 1960-х гг. [39]. В свете социального реформаторства Дж.Ф. Кеннеди, а затем Л.Б. Джонсона они подчеркивали неэффективность и консерватизм внутривластного курса Д. Эйзенхауэра, отвечавшего интересам наиболее состоятельной части Америки.

Тенденция к пересмотру указанных оценок наметилась в конце 1960 - начале 1970-х гг. под влиянием развернувшегося в стране социально-экономического кризиса. Реалии этого бурного периода, наполненного политическими потрясениями в жизни американского общества, драмой Вьетнамской войны, заставили по-новому подойти к президентству Д. Эйзенхауэра и ему самому как политическому лидеру. На фоне событий тех лет пятидесятые годы стали восприниматься как период относительного спокойствия и процветания. В вышедших в 1969 г. воспоминаниях «Эйзенхауэр: президент, которого никто не знал» [17] А. Ларсон, специальный помощник и составитель речей Д. Эйзенхауэра, утверждал, что «тридцать четвертый глава исполнительной власти был более искусным политиком, чем это принято о нем думать, и заслуживает место среди великих президентов» [17, с. 210].

Преодолевая укоренившееся мнение, что Эйзенхауэр не был «сильным» президентом, А. Ларсон подчеркивал его умение взаимодействовать с подчас враждебным конгрессом, находившимся под контролем демократической партии. «Его терпение, сдержанность и мягкость в попытке склонить демократический конгресс сделать то, что он хотел, приводили время от времени в отчаяние даже его ближайшее окружение», - отмечал А. Ларсон [17, с. 210].

В работах 1970-х гг. получила распространение точка зрения о том, что усилия администрации Д. Эйзенхауэра были направлены на сохранение в стране статус-кво. Политический курс президента носил умеренный характер и соответствовал общему настроению в стране. Известный историк Г. Пармет писал в основательном труде «Эйзенхауэр и крестовые походы Америки»: «Приклеивать к нему ярлык великого, или хорошего, или даже слабого президента - значит не заметить главного. Он был просто необходим» [25, с. 577]. Несколько критичнее в анализе деятельности президента-республиканца были представители либерального направления П. Лайон «Эйзенхауэра. Портрет Героя» [22], Ч. Александер «Эра Эйзенхауэра» [2], Г. Рейхард «Подтверждение республиканизма. Эйзенхауэр и восемьдесят третий съезд» [28], справедливо отмечавшие, что многие проблемы внутривластной жизни США не нашли решения в 1950-е гг.

Литература 1980-х гг. еще более благожелательно оценила Эйзенхауэра как уверенного в себе политического деятеля, контролировавшего течение событий. Особое внимание привлекли работы Ф. Гринстейна «Эйзенхауэр в качестве лидера» [7], обратившегося к ставшим доступными в это время новым архивным документам.

Он убеждал читателей в политической проницательности, хорошей информированности Эйзенхауэра, имевшего свою оригинальную концепцию президентства и только казавшегося пассивным. По мнению С. Амброс, среди президентов XX в. Д. Эйзенхауэр был достоин занять место рядом с Ф. Рузвельтом и В. Вильсоном [1, с. 560]. Наличие у Д. Эйзенхауэра своего видения относительно того, «как должно функционировать общество», признавал Р. Гриффит в книге «Дуайт Эйзенхауэр и корпоративное содружество» [8].

В целом «ревизионисты» создали радикально противоположную историографии 50-60-х гг. XX в. картину президентства Эйзенхауэра. Его столетний юбилей послужил дополнительным стимулом для появления посвященных ему многочисленных публикаций, многие из которых носили явно апологетический характер. Глава Центра по исследованию института президентства Р. Хокси в статье «Размышления по поводу столетия Дуайта Дэвида Эйзенхауэра» характеризовал его как «самого искусного политика из всех современных президентов за исключением, возможно, Франклина Делано Рузвельта» [41, с. 264].

В «постревизионистской» литературе 1990-х гг. прозвучали и более взвешенные оценки. П. Честер и Э. Ричардсон в книге «Председательствующей Дуайт Эйзенхауэр» признавали, что Д. Эйзенхауэр выиграл больше политических баталий, чем проиграл, «во всяком случае, по вопросам, которые считал наиболее важными» [43, с. 283].

Вместе с тем его консерватизм в области внутренней политики, внешнеполитические концепции, сформировавшиеся под влиянием холодной войны, мало соответствовали духу времени. «В значительной степени Эйзенхауэр достиг того, что хотел. Он не мог просить о большем», - заключали авторы [43, с. 283].

Интересен также и мемуарный труд Д. Эйзенхауэр «Крестовый поход в Европу» [46], где на основе личных воспоминаний и архивных материалов автор подробно рассматривает военные и военно-политические вопросы, связанные с участием вооруженных сил США в боевых действиях в годы второй мировой войны. Мемуары представителя Израиля М. Даяна «Арабо-израильские войны 1956, 1967» [9] отражают те трудности внутривосточного характера, с которыми неизменно сталкивалась администрация Д. Эйзенхауэра при проведении политики на Ближнем и Среднем Востоке. Проблема взаимоотношений США со своими союзниками по блоку НАТО в период Суэцкого кризиса затрагивается в воспоминаниях бывшего министра обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса [45]. Источником по американо-советским отношениям в указанный период стали воспоминания Н.С. Хрущева [42], которые, невзирая на своеобразие стиля изложения материала, в целом, дают представление о тактике действий советской дипломатии во время ближневосточного кризиса 1956-1957 гг.

Критическое отношение к политике США во время ближневосточного конфликта 1956 г. было свойственно американским авторам, исследовавшим в 1970-х гг. политику Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке. Значительный фактический материал по истории ближневосточной политики США, в том числе и во время Суэцкого кризиса, был представлен в работах Ю. Фишера и М. Бассиуни, Дж. Гуревича, А. Перламуттера, У. Полка. Следует отметить, что в этих работах

представлено свойственное для американской историографии 1960-1970-х гг. мнение, что в период президентства Д. Эйзенхауэра всей внешней политикой Соединенных Штатов управлял Дж.Ф. Даллес. В последнее время американские авторы отходят от такого трактования дипломатии США в период правления республиканской партии в 1953-1961 гг., справедливо отмечая то, что Д. Эйзенхауэр не был сторонним наблюдателем действий дипломатического ведомства США, а контролировал основные направления американской внешней политики, особенно в период обострения международной обстановки.

В российской историографии внешнеполитическая и внутренняя деятельность администрации Д. Эйзенхауэра нашла отражение в работах Р.Ф. Иванова, Э.А. «Эйзенхауэр: человек, политик, полководец» [13]. Иваняна «Белый дом: президенты и политика» [14], В.А. Никонова «От Эйзенхауэра к Никсону: Из истории республиканской партии США» [24], В.И. Терехова «Республиканцы у власти: социально-экономическая политика правительства Д. Эйзенхауэра: (1953-1960)» [36]. Признавая отход республиканцев в 1950-е гг. от идей реакционного индивидуализма в сторону признания значимости государственного активизма, авторы в целом достаточно критично оценивали «просвещенный консерватизм» 34 президента. Менее изученным остался в литературе вопрос о его социальном видении.

В монографии В.И. Терехова «Республиканцы у власти: социально-экономическая политика правительства Д. Эйзенхауэра (1953-1960)» [36] показано, как формировалась и проводилась в жизнь внутренняя политика администрации Эйзенхауэра (рассматриваются бюджетно-финансовая политика, проблемы федерализма, отношение к рабочему движению); как в республиканской партии, ранее отвергавшей активную роль государства в социально-экономической жизни общества, складывался «новый республиканизм», признание необходимости государственного регулирования, однако при предпочтении частной инициативы. Этот подход стал основой дальнейшей деятельности республиканской партии по решению задач государственно-монополистического регулирования.

Из работ 1980-х гг. заслуживает внимания монография В.И. Нагайчука «Политика США в отношении Египта (1950-60е)» [23], в которой впервые в советской историографии была предпринята попытка комплексно рассмотреть американо-египетские отношения в первые послевоенные десятилетия. Различные аспекты ближневосточной политики США в середине 1950-х гг. были освещены также в работах А.М. Васильева, О.А. Колобова.

Разрабатываемый бывшим генералом послевоенный курс внутренней политики во многом определялся его пониманием основополагающих потребностей развития американского социума, необходимости учета интересов различных групп, составляющих его сложную социальную структуру. Следует согласиться с мнением Р. Гриффита о том, что в основе его социального видения лежало стремление «разрешить наиболее фундаментальные конфликты... современного общества», к наиболее уязвимым сторонам которого относились «глубокие противоречия, разделяющие экономические группировки», включая труд и капитал [8, с. 122].

Будучи консерватором и противником продолжавшегося при демократических администрациях дрейфа в сторону государственной централизации, он первым из президентов-республиканцев послевоенного периода признал необходимость участия федеральных властей в «предотвращении или исправлении злоупотреблений, проистекающих из нерегулируемой практики частного хозяйства», решении социальных вопросов во избежание классовых конфликтов [8, с. 122]. Это была позиция политика-прагматика, понимавшего изменившиеся реалии модернизированного общества, в котором политическая судьба любой партии тесно зависела от поддержки широких слоев населения. «Ежедневно», - записывал в «Дневник» 2 июля 1953 г. Д. Эйзенхауэр, - «меня потрясает близорукость, граничащая с трагической глупостью тех, кто воображает себя величайшими сторонниками капитализма (или свободной рыночной экономики), но кто слепо поддерживает меры и условия, которые способны в будущем разрушить свободную экономическую систему» [5].

В своих размышлениях он полемизировал с ленинской концепцией «противоречий» капитализма, которые ведут к «революции пролетариата» и заставляют массы выбирать между революционными потрясениями и рабством. По мнению Эйзенхауэра, не признававшего возможность разрушения системы, основанной на рыночной экономике, вопрос о неизбежности результатов «так называемых противоречий капитализма» оставался открытым. В противовес этим идеям Д. Эйзенхауэр выражал убеждение, что «общественный прогресс, когда это затрагивает большую массу людей и сложные взаимоотношения, возможен только при избегании крайностей, а решение проблем обнаруживается в великом среднем пути, учитывающем потребности, стремления и надежды значительного большинства» [5]. Он не сомневался в необходимости уметь поступиться кратковременными, эгоистичными интересами, научиться сотрудничать ради достижения «длительного благополучия всех нас» [5].

Данные воззрения определили его видение оптимальной модели государственного управления, соответствующее умеренно консервативным взглядам в политике. В основу внутривластного курса его администрации легла концепция «нового / современного республиканизма», свидетельствующая о закономерной эволюции республиканской партии от установок «твердого индивидуализма» в сторону признания стейтизма. Этому способствовало растущее понимание предпринимателей и отражавшей их интересы политической элиты позитивной значимости государства в поддержании экономического роста, обеспечении экономической стабильности и высокого уровня конкурентоспособности на внешних рынках, реализации крупномасштабных проектов, связанных с расширением программ научных исследований, потребностями страны в развитии инфраструктуры, освоении материальных ресурсов. Федеральное правительство при этом выступало инструментом обеспечения наилучших условий деятельности частного капитала. Не менее важным представлялось более активное подключение центральных властей к решению социальных проблем американского общества, разделенного имущественно и расово-этнически. Обострение вопроса о трудовых

отношениях в условиях перестройки производственного процесса в Соединенных Штатах, а с середины пятидесятих годов - расово-этнического конфликта подчеркивало их остроту и необходимость нахождения адекватных мер на государственном уровне, которые позволили бы согласовать противоречивые интересы затрагиваемых сторон и обеспечить социальную стабильность внутри страны.

Д. Эйзенхауэр был вполне согласен с теми представителями республиканской партии, которые полагали, что в новых условиях она должна «быть известна как прогрессивная организация или ей суждено погибнуть». «Я так решительно убежден в этом», - отмечал президент в дневнике, - «что считаю, что вместо умиротворения или убеждения группы закоренелых реакционеров нам следует полностью игнорировать ее, а когда необходимо - разойтись с ней» [5].

По собственному отзыву Д. Эйзенхауэра, одной из работ, наилучшим образом выразившей его «философию правления», стала книга заместителя министра труда, а впоследствии его специального помощника А. Ларсона «Республиканец смотрит на свою партию» (1956) [18]. Предлагаемый в ней центристский подход, позволявший преодолеть крайности как «идеологии 1896 года», так и «идеологии 1936 года», позволял иметь, по мнению автора, «столько деятельности правительства, сколько необходимо, но недостаточно для того, чтобы удушить нормальные побудительные мотивы частного предприятия» [18, с. 216].

Книга «Эйзенхауэр. Солдат и президент» [1] была признана в США лучшей из всех написанных об Эйзенхауэре. Опираясь на обширные источники, высокий уровень научных знаний. С. Амброз предложил наиболее полное и объективное описание жизни солдата, ставшего президентом. Автор подробно рассказывает о молодых годах Эйзенхауэра, о его почти незаметной на первых порах карьере в армии, о его блестящем руководстве союзными силами в качестве верховного главнокомандующего во время второй мировой войны, о том, с какими трудностями приходилось сталкиваться этому человеку на пути от генерала и президента Колумбийского университета до Президента США.

Историография холодной войны развивалась под заметным влиянием политических и экономических интересов элит обеих супердержав, которые были исключительно заинтересованы в оправдании своих действий и обвинении противника во всех негативных для своих народов и всего человечества последствиях конфронтации. Особенно отчетливо это стремление проявляется в попытках двух «ортодоксальных» школ - советской и американской - переложить друг на друга ответственность за развязывание холодной войны. По сути, этот вопрос - вопрос ответственности за начало конфликта - стал центральным во всей мировой историографии холодной войны.

Так, американские представители этой школы утверждали, что только экспансионистские устремления ленинско-сталинского социализма и необходимость остановить его, чтобы защитить ослабшие демократии Запада, и вызвали вмешательство США в мировые проблемы. Это отнесено в книге С. И Висков «Американские историки и публицисты о «холодной войне» [4]. Согласно этой

традиционной точке зрения одной из главных причин этого экспансионизма стала параноидальная личность Сталина, его амбиции, идеологический фанатизм и жестокие репрессии. Соединенные Штаты, со своей стороны, проводили чисто оборонительную политику, недостаточно активно и с опозданием реагировали на провокации советских лидеров. Эта точка зрения опиралась в основном на мемуары ведущих политиков США того времени.

Что касается советских «ортодоксов» Дмитриева «США: политики, генералы, дипломаты» [10], Яковлева «Идейная нищета апологетов «холодной войны» [47], то на протяжении всего послевоенного периода они утверждали, что причиной холодной войны стали гегемонистские имперские устремления американского правительства, которое, в свою очередь, подталкивалось к внешней экспансии крупным частным капиталом. Однако, поставив под контроль страны Западной Европы и Латинской Америки, американское правительство столкнулось с непреклонной волей Советского Союза и стран социалистического лагеря. Пытаясь подавить это сопротивление и опасаясь за рост популярности идей социализма в мире, США и начали «холодную» подготовку к большой «горячей» войне против СССР.

Эта точка зрения неожиданно нашла некоторую поддержку в рамках «ревизионистского» направления западной историографии изученного в книге А.М. Филитова «Холодная война. Историографические тенденции на Западе» [37], которое впервые отчетливо заявило о себе в конце 60-х гг. «Ревизионисты» полагали, что именно США несут основную ответственность за возникновение холодной войны. С самого начала стратегической целью американской администрации являлось переустройство мира в соответствии с либерально-капиталистической моделью, в рамках которой Америка имела бы неоспоримые преимущества и закрепила бы свое мировое лидерство. Однако Советский Союз не разделял этих планов, и своей активностью в Европе, фактически, расстраивал их. Пытаясь подавить эту активность при помощи экономических рычагов, атомной дипломатки и т.д., США игнорировали законные интересы Кремля. При этом советские лидеры проводили скорее оборонительную, а не наступательную политику.

Бескомпромиссная схватка «ортодоксов» и «ревизионистов» вызвала у части исследователей желание найти объективные истоки глобального конфликта. Возникшая на этой волне «постревизионистская» школа объясняет возникновение холодной войны естественными и нормальными противоречиями геополитического характера, а не злой волей вождей или идеологической непримиримостью двух супердержав. Признается даже то, что Соединенные Штаты стремились к созданию империи, однако она носила оборонительный характер.

Вслед за этими тремя самыми авторитетными школами в историографии холодной войны возникло еще несколько влиятельных направлений. Особое место в этом ряду занимают представители политологической школы «теории режимов», которые рассматривают холодную войну в качестве своеобразного «режима безопасности» для формирования послевоенного нового мирового порядка. Эти тенденции рассмотрели В.М. Зубок и В.О. Печатнов в статье «Историография «холодной войны»

в России: некоторые итоги десятилетия» [11].

Кроме названных здесь вполне сформировавшихся полноценных научных школ можно указать и на множество других групп исследователей, например, Дмитриева «США: политики, генералы, дипломаты» [10], который также предлагает достаточно серьезные и обоснованные гипотезы. В них возникновение холодной войны объясняется, например, конфликтом «сталинизм - атлантизм», ошибками «системы коммуникаций», неспособностью мирно поделить Восточную Европу, последствиями «атомного шантажа» и т.п.

Однако во второй половине 90-х гг. наметился некоторый историографический «перелом» в пользу большей однородности позиций исследователей. В основном это стало следствием большей доступности документов из советских и восточноевропейских архивов после падения коммунистических правительств. На основании анализа новых материалов западный исследователь Хокси Р. Гордон «Размышления по поводу столетия Дуайта Дэвида Эйзенхауэра» сделала общий вывод о том, что серьезно ослабленный Советский Союз, озабоченный в основном стратегическими проблемами безопасности и выживания в послевоенном мире, играл пассивную роль в процессе генезиса холодной войны [41, с. 264]. С другой стороны, в большинстве исследований последнего времени огромное значение придается роли Сталина «Советская внешняя политика в годы «холодной войны» [33], особенности взглядов и поведения которого во многом определили жестокость и непоследовательность советской внешней политики.

Большинство российских ученых В.О. Печатнов «От союза к холодной войне (советско-американские отношения в 1945-1947 гг.)» [26], В.В. Согрин «Политическая история США. XVII-XX вв.» [35], полагают, что своеобразной «точкой невозврата» от холодной войны к сотрудничеству стало лето 1947 г., когда Сталин отказался от предложения участвовать в «плане Маршалла» Он ясно понял, что этот план направлен на изоляцию СССР и вытеснение его из Западной Европы. Именно поэтому Москва организовала контрнаступление, которое включало в себя такие меры, как создание Коминформа, «консолидацию» своей сферы влияния в Восточной Европе в форме «советизации» и т.д.

В целом за первые десять лет работы вне жестких идеологических рамок российские исследователи внесли значительный вклад в развитие современной мировой историографии холодной войны. Их главным достижением за этот период явилось определенное сглаживание «острых углов», сближение полярных и конфронтационных подходов, которые сформировались и господствовали в мировой историографии за предыдущие десятилетия.

2. Усиление консерватизма в США в начале 1950-х и приход Д. Эйзенхауэра к власти
Во время деятельности Эйзенхауэра в Европе значительно усилилась общественная критика президента Трумэна. Затяжная, с большими потерями война в Корее (1950-1953 гг.) и увеличение срока службы, конфронтация с Китаем, где с победы Мао Цзедуна в 1949 году правили коммунисты, а также страх перед обмелами атомными ударами с Советским Союзом вселяли населению неуверенность. К тому же началась беспрецедентная в истории Америки кампания травли консервативным сенатором

Джозефом Маккарти, который пытался представить правительство, демократическую партию и большую часть интеллектуальной элиты находящимися под коммунистическим влиянием [7, с. 286].

Дуайт Эйзенхауэр считал, что с окончанием войны закончилась и его военная карьера, тем более что незадолго до конца войны он вместе с несколькими другими генералами получил высшее, только что введенное воинское звание - генерал армии. Эйзенхауэр говорил своим близким друзьям: «Я получил всю славу, какую только желал. Я хотел бы провести оставшиеся дни во главе небольшого колледжа, одновременно немного занимаясь земледелием» [1, с. 560]. Но на него имели серьезные виды лидеры обеих политических партий США. Все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса о необходимости выдвинуть Эйзенхауэра на пост президента страны.

7 января 1951 года он возглавил наземные, морские и военно-воздушные силы западных держав под эгидой НАТО. Это стало важным этапом его политической карьеры. Его деятельность на этом посту способствовала укреплению позиций в правых политических кругах США. Главнокомандующий вооруженными силами НАТО был высшим эталоном политической благонадежности.

В это время в США кипели политические страсти, набирала обороты избирательная кампания. К началу ее в 1952 году Трумен был политически почти бессилён.

Реконверсия, перевод экономики на мирные рельсы, но без разоружения, прошла довольно болезненно и оставила после себя глубокие шрамы экономического кризиса 1948-1949 гг. В Корее США вынуждены были взять на себя всю главную тяжесть в большей мере агрессивной войны, которая велась под голубым флагом ООН, но от этого не становилась более популярной в глазах простых американцев. Союзники США приняли только номинальное участие в этой операции [2, с. 326].

Эйзенхауэр на посту главнокомандующего вооруженными силами НАТО вполне устраивал всех руководителей стран - участниц этого блока. Но ситуация, складывавшаяся в США, свидетельствовала о том, что стремительно возрастали его перспективы как кандидата в президенты. Он не спешил с ответом на многочисленные предложения по этому вопросу. Уже в начале своей политической карьеры он проявил важное качество - умение выжидать.

Республиканцы вели развернутое наступление на демократов, объясняя все внутренние и внешнеполитические трудности США бездарным руководством Трумена и общим политическим курсом демократической партии. Многие политические лидеры считали, что уже пробил час Эйзенхауэра. Для нового политического курса необходим был и новый лидер. И демократы, и республиканцы в равной мере имели все основания претендовать на Эйзенхауэра [10, с. 184]. До сих пор разобраться в его партийной принадлежности не представлялось возможным. Никогда в жизни он не голосовал и не высказывал публично ни симпатий, ни антипатий к какой-либо из двух партий, хотя его отец неизменно голосовал за кандидатов республиканской партии.

Существовала сложная проблема, связанная с выдвижением кандидатуры генерала в президенты. Руководители стран - участниц НАТО опасались, что в случае ухода его с

поста главнокомандующего вооруженными силами этого блока возникнут серьезные проблемы для самого существования этого альянса. Монтгомери, например, забыв про распри с Эйзенхауэром периода войны, заявил ему: «Если ты поедешь домой, чтобы баллотироваться в президенты, я отправлюсь туда же, чтобы вести против тебя кампанию» [2, с. 326].

7 января 1952 года Дуайт наконец объявил, что он считает себя республиканцем. Вопрос о том, какая партия получит кандидата в президенты, был фактически решен. Но он еще не торопился давать официальное согласие баллотироваться в президенты. Он хотел убедиться, что пользуется поддержкой большинства избирателей. Постепено становилось понятно, что он такую поддержку имел. Специалисты по опросам общественного мнения заявляли, что Эйзенхауэр «будет самой популярной фигурой, которую могли бы выдвинуть в президенты республиканцы» [2, с. 326].

Генерал Д. Эйзенхауэр баллотировался на пост президента США, опасаясь, что этот пост займет «изоляционист» - сенатор Тафт. Он надеялся заменить подорванную западноевропейскую мощь американской, причем не только в Европе, но и на огромных территориях западноевропейских колоний, вступивших в борьбу за независимость, ставшей частью «холодной войны». Эйзенхауэра в политике администрации Г. Трумэна не устраивала лишь расточительность, жертвы, понесенные в Корее, огромные непроизводительные материальные траты, ослаблявшие американскую метрополию. Главой государственного департамента был назначен кумир правых республиканцев - Джон Фостер Даллес, обещавший изменить течение «холодной войны» в пользу США при меньших людских и материальных затратах [3, с. 366].

Эйзенхауэр вел предвыборную борьбу 1952 года по темам: Корея, защита от коммунизма и борьба против коррупции в правительстве, не подвергая при этом нападкам лично президента. Помимо этого он критиковал уменьшение значения отдельных штатов, в жизненной силе которых видел гарантию американской демократии. Важнее, чем все аргументы, была военная слава и популярность кандидата, фамильярно-интимно называемого «Айк». Эйзенхауэр не был особенно религиозным человеком, но он глубоко чувствовал моральные ценности американского среднего слоя и себя понимал как ответственного «слугу» нации. С обещанием быть президентом всех американцев он вступил в предвыборную борьбу. Эйзенхауэр обозначил принципиальные идеи своей программы как «Современный республиканизм» или «динамический консерватизм». К этому относился, прежде всего, вывод государственной руки из экономики. Обусловленная войной государственная квота в валовом отечественном продукте с 1940 года поднялась с 23 до 93%. Лозунг предвыборной борьбы «Пришло время изменения» сигнализировал поворот этой тенденции [12, с. 295]. Это удалось не в полной мере, но когда Эйзенхауэр в 1961 году уходил с поста, доля государственных расходов уже не поднималась. Одновременно доля федеральных расходов в общих расходах государства снизилась с 76 до 60%.

11 марта 1952 года он одержал убедительную победу на предварительных выборах.

Ему предстояло тяжелое испытание в ходе избирательной кампании. Было запланировано, что он покроет на самолете и поездом расстояние более 50 тыс. миль, посетив 232 населенных пункта в 45 штатах страны.

Кандидат вел избирательную кампанию под откровенно антикоммунистическими лозунгами. «Везде, - вспоминал он, - я настоятельно подчеркивал искоренения коммунизма в Соединенных Штатах, где бы он не был обнаружен» [5]. Его речь 25 августа 1952 года была апогеем этого. Отбросив всю дипломатию, он заявил, что необходимо вернуть в лоно западной цивилизации страны Восточной Европы и республики Советской Прибалтики.

6 ноября этого же года Дуайт Эйзенхауэр был избран президентом Соединенных Штатов Америки, победив кандидата от демократов Эдлая Е. Стивенсона, получив 21,5 миллиона из 39 миллионов отданных голосов. Он стал президентом, проявив себя как генерал, как государственный деятель и лидер. Народ избрал его не столько за убеждения, сколько за то, кем он был и чего добился. Он был героем, которому можно было доверить вести нацию к миру и процветанию. Через десять недель он будет самым могущественным человеком в мире. Он будет нести непосредственную ответственность за решение самых насущных мировых проблем. Человек, организовавший и осуществивший операцию «Оверлорд», был уверен, что сможет сплотить Соединенные Штаты и провести через опасности «холодной войны» [17, с. 210].

Победа кандидата республиканцев на выборах во многом была его личной победой, а не успехом республиканской партии, потому что большинство в конгрессе оставалось за демократами. Это было важное событие в политической жизни страны: через 20 лет в Белый дом вступил президент-республиканец.

Для США была позади самая страшная в истории человечества война. Эйзенхауэр пришел к власти в трудное время. Республиканская администрация столкнулась со сложными вопросами внутреннего характера, связанными с проблемами внешнеполитическими. Многие трудности экономического характера, переживавшиеся страной, были порождены обременительной ролью международного «управляющего», которую взяли на себя Соединенные Штаты [41, с. 264].

Окопы «холодной войны» разделяли не только две мировые системы, они пересекали и территорию самих США. При этом ее внешний фронт был направлен против СССР и других социалистических стран, а внутренний - против нарождающихся социалистических сил собственной страны. Маккартизм, эта «охота за ведьмами» XX столетия, был прямым порождением «холодной войны».

Эйзенхауэр в ходе избирательной кампании говорил: «Народ в Америке стремится к коренным переменам» [41, с. 264]. Очевидно, эти перемены нужно было начинать с внешней политики. Новая администрация с трудом пошла на прекращение войны в Корее. Тем самым президент выполнил одно из важнейших обязательств, данное своим избирателям. Но впереди была еще масса сложнейших, нерешенных а иногда и неразрешимых проблем внешней политики.

Еще будучи главнокомандующим вооруженными силами НАТО, Эйзенхауэр проявил

понимание проблем, с которыми столкнулась Франция, ведя войну против Вьетнама. Он считал, что США не должны связывать себе руки, идя на риск прямого участия в этой войне. Однако он санкционировал военную помощь французским войскам во Вьетнаме. В марте 1954 года в Юго-Восточную Азию направились авианосцы. Эта мера была запоздалой и французская армия оказалась разгромленной.

Во время избирательной кампании 1952 года кандидат республиканцев неоднократно возвращался к проблемам американско-китайских отношений.

Определяя свою политику по отношению к КНР, Эйзенхауэр учитывал главный в то время фактор - военно-политический союз между СССР и КНР. В дальнейшем он не менял кардинально свою точку зрения на этот вопрос и не внес чего-либо принципиально нового в развитие американско-китайских отношений.

Даунт Эйзенхауэр сохранил за правительством тот объем власти и ответственности, который был определен новым курсом, но старался уменьшить свою роль как президента. Он называл свой подход «динамичным консерватизмом» или «современным республиканизмом», что означало, по его словам: «консерватизм по отношению к финансам и либерализм по отношению к людям» [39, с. 272]. Один критик сказал по этому поводу, что Эйзенхауэр «будет настаивать на строительстве множества школ... но денег на них не даст» [39, с. 272].

В 50-е годы произошла трансформация республиканской и демократической партий: социально-экономическое развитие страны видится ими в развитии государственного регулирования экономикой. Эти два фактора оказали значительное влияние на внутривнутриполитический курс нового президента. С одной стороны, он не расширял социальные программы, начатые демократами, с другой - он не позволил их сократить, как этого требовала большинство республиканцев. Еще формируя концепцию своего президентства, Эйзенхауэр говорил, что страна нуждается в покое после больших потрясений второй мировой войны.

3. Внутривнутриполитический курс Д. Эйзенхауэра

Д. Эйзенхауэр во внутренней политике был умеренным республиканцем. Он был консервативным политиком в решении экономических проблем и либеральным деятелем в вопросах социальной политики и прав человека. Он был намерен продолжать выполнение (в ряде направлений) принятых программ демократов, но более экономными методами, чем это делала администрация Г. Трумена. Он был намерен сберегать деньги путем более эффективного управления, сокращения раздутого государственного аппарата, прекращения излишеств в его финансировании и сокращения государственных расходов, в том числе на военные цели [1, с. 560]. В 1953-54 гг. финансовом году бюджет был сведен без большого дефицита. Эйзенхауэр отложил снижение налогов до того времени, когда будет лучше сбалансирован бюджет. Вместе с тем, Эйзенхауэр предложил сократить расходы бюджета (прежде всего военные расходы) на 10 млрд. долл. Госсекретарь Д.-Ф. Даллес и военный министр Ч. Вильсон были недовольны и не одобряли эти предложения. Но Эйзенхауэр настоял на сокращении расходов государственного бюджета. И все же государственный бюджет в первый год правления Эйзенхауэра имел дефицит в размере 2,5 млрд. долл. Старая гвардия

Республиканской партии (Т. Дьюи, Г. Гувер, Б. Голдуотер и др.) не одобряла намерений Президента Эйзенхауэра о расширении системы социального страхования американцев дополнительно на 10 млн. человек. Президент Д. Эйзенхауэр не забывал о положении простых американцев, часть которых жила в тяжелых материальных условиях. Он понимал, что решение социальных проблем бедности населения связано с состоянием экономики страны и ее финансов, а также зависит от сокращения военных расходов, которые после войны были очень большими. Так, Эйзенхауэр заявлял, что каждая пушка, каждый военный корабль, авианосец, каждая ракета «означают, в конечном счете, кражу у тех, кто голодный, кто не одет, кто живет в холоде и без образования» [1, с. 560].

Внутриполитические проблемы вытекали из того, что демократы с 1954 года снова выиграли в Конгрессе в местах и влиянии, но также, в большей степени, из борьбы между «крыльями» в республиканской партии. Президент и его сторонники в Конгрессе, так называемые «республиканцы Эйзенхауэра», иногда могли лучше сотрудничать с лидером демократического большинства Линдоном Б. Джонсоном, чем со «старой гвардией» республиканцев. Как при планировании автодорог, так и при использовании национальных полезных ископаемых или разработке новых ирригационных проектов возникли значительные различия во мнениях. В то время как президент видел в этих проектах легитимные задачи федерального правительства, консервативные республиканцы доказывали, что подобные предложения будут упрочивать, а не уменьшать федерально-государственную власть. При принятии Гавайев и Аляски в союз в качестве 49 и 50 штатов также были расхождения. Эйзенхауэр выступал за принятие Гавайев, но в отличие от большинства в Конгрессе считал, что Аляска имеет значение в основном с военно-стратегической точки зрения. Поэтому он предпочитал федерально-государственное управление Аляской образованию штата.

Президент Эйзенхауэр предложил сократить военные расходы в 1955 финансовом году. Расходы на армию уменьшились с 19,9 млрд. долл. до 8,8 млрд. долл. (при сокращении армии с 1,4 млн. человек до 1 млн. человек). Расходы на военно-морской флот уменьшились с 11,2 млрд. долл. до 9,7 млрд. долл. А расходы на военную авиацию увеличились с 15,6 млрд. долл. до 16,4 млрд. долл. [7, с. 286]. В 1955 г. финансовом году Президенту Эйзенхауэру удалось сбалансировать государственный бюджет страны.

Президент Д. Эйзенхауэр показал себя как лидер страны, который бросал вызов консервативному крылу Республиканской партии США. Он заявлял, что партия, которая решится на попытку отмены социального страхования, страхования по безработице, отмены законов о труде и фермерских программ - такая партия сойдет с исторической арены. Он был готов порвать со старой гвардией консерваторов в Республиканской партии и создать новую Республиканскую партию.

Президента Эйзенхауэра волновало состояние экономики страны, «ее здоровье», как он выражался [12, с. 295]. В период первого срока его президентства наступила рецессия - частичный кризис 1954 г. Снижение производства ниже нулевой отметки было, правда, небольшим, но безработица заметно увеличилась (до 6%) Эйзенхауэр

мог опираться на рекомендации экономического советника Бэрнса, который знал проблемы экономического цикла. Но другие советники правительства (Р. Андерсон, Дж. Хоуг) были неоклассиками, которые больше полагались на силу свободной конкуренции. К чести Эйзенхауэра надо признать, что он смог подняться над ортодоксией Республиканской партии и применить ряд испытанных средств из арсенала Демократической партии: прежде всего - программу общественных работ. Программа строительства шоссейных дорог и автомагистралей была одной из крупнейших программ общественных работ в середине XX века. По инициативе Президента был подготовлен и принят в апреле 1956 г. закон «Интерстейт хайвей акт». Во главе комиссии по строительству дорог президент поставил своего коллегу - генерала Клея. План Клея предусматривал строительство многорядных автомагистралей, которые имели не только экономическое, но и оборонное значение. На основе этого закона 90% стоимости строительства дорог финансировалось из федерального бюджета. При этом бюджет пополнялся и за счет косвенных налогов, включенных в цену бензина (1 цент за 1 галлон бензина) и в цену автомобильных покрышек (3 цента за 1 фунт резины). В итоге выполнения плана Клея было построено много тысяч миль новых автомобильных дорог [18, с. 216].

Другим направлением экономической политики правительства Эйзенхауэра было строительство жилья: миллионов новых частных домов, а также субсидируемого жилья для малоимущих семей. Правительство одобрило план строительства государственного жилья - 140 тыс. домов за пять лет.

В результате принятых мер в 1955 г. спад в экономике был преодолен, появилось оживление экономической жизни, но не так быстро, как хотелось бы. В 1956-57 гг. начался подъем экономики (прирост на 5-6%). Но в 1958 г. экономика США вновь пережила удары тяжелого мирового экономического кризиса. Падение промышленного производства составляло 14%, безработица увеличилась до 5 млн. человек [21, с. 260].

В 1956 и 1959 гг. президентом и законодателями были одобрены законопроекты о жилищном строительстве, включившие предложения о строительстве 35 тыс. квартир в год в течение двух лет, выделение 650 млн. долл. на 2 года на программу обновления городов, 250 млн. долл. - на строительство квартир для престарелых, предоставлении субсидий для строительства 37 000 новых квартир [21, с. 260].

При Эйзенхауэре была введена медицинская помощь гражданам старше 64 лет, оплата которой возлагалась на федеральное правительство и власти штатов, повышен минимальный размер заработной платы рабочим (до 1 долл. в час), приняты законы о гражданских правах 1957 и 1960 гг., ставшие первыми осторожными шагами на пути решения важнейшей социальной проблемы - преодоления расовой дискриминации.

Президент Эйзенхауэр принял решительные антикризисные меры. Он отказался от советов неоклассиков Р. Саулнира и Р. Андерсона, которые были против активного вмешательства государства в экономическую жизнь. Он вернулся к методам государственного регулирования инвестиций. Он почувствовал неправильность

априорных моделей неоклассиков, с которыми носились тогда экономисты - математики и не стал слушать то, что говорили такие советники, как Р. Андерсон. Президент поручил министру финансов применить активные методы вмешательства в экономику. Эйзенхауэр помнил уроки Нового курса Ф. Рузвельта и увеличивал расходы госбюджета на инфраструктуру и на социальные цели. Это помогло стране пережить кризис 1958 г. с меньшими потерями.

Запуск Советским Союзом первого космического спутника (1957) вызвал в США волну критики президента за недостаточное внимание к развитию передовых технологий. В ответ Эйзенхауэр создал Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА, 1958) [35, с. 400].

Постепенно Эйзенхауэр смог положить конец внутривластной охоте на коммунистов. Когда сенатор Джозеф Маккарти со своими клеветническими нападениями не остановился даже перед членами кабинета, президент добился с помощью своих сторонников в сенате, чтобы Маккарти был публично осужден и политически изолирован. К тому же в 1954 году Эйзенхауэр назначил верховным федеральным судьей Эрла Уоррена, чья либеральная политика была решительно направлена против дискриминации и нетерпимости.

Сенатор Маккарти, стоявший во главе комиссии Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, занимался тем, что в печати получило название «охоты за ведьмами»: поисками коммунистов и их агентов в государственном аппарате. Эйзенхауэр был в принципе против маккартизма и против «охоты за ведьмами», против поисков агентов коммунизма в государственном аппарате США, в армии, в профсоюзах и в Голливуде. Эйзенхауэр считал, что Маккарти плохо знал, что такое коммунизм, в отличие от самого Президента, который во время войны сотрудничал с Советским Союзом и хорошо знал многих генералов и маршалов СССР. Президент Эйзенхауэр применял тактику игнорирования сенатора Дж. Маккарти со всеми его нападениями на сторонников «красных». И эта тактика привела к изоляции сенатора Маккарти. Благодаря твердой позиции Президента Эйзенхауэра, который считал, что маккартизм сам себя дискредитирует, маккартизм действительно сошел с политической арены США в середине 50-х годов [35, с. 400].

В приговоре по делу «Браун против отдела народного образования» 17 мая 1954 года Верховный суд объявил расовое деление в школах противоречащим конституции и год спустя призвал штаты ликвидировать разделенные по расам школы [6, с. 347].

Эти решения вызвали на юге США волну протестов. В 1956 году более 100 членов Конгресса подписали так называемый «Южный манифест», который обвинил Верховный суд в недопустимом вмешательстве в права отдельных штатов. Конфликт достиг высшей точки в сентябре 1957 года в Арканзасе, где губернатор Орвил Фоубес с помощью национальной гвардии пытался силой помешать черным студентам посещать до этого доступную только белым Центральную высшую школу в Литтл-Рокс. Чтобы сохранить авторитет федерального суда, Эйзенхауэр, который в частном порядке считал назначение Уоррена «самой большой проклятой ошибкой, которую я когда-либо делал» [6, с. 347], вынужден был действовать. Впервые со времен реконструкции после гражданской войны на Юг для защиты черного населения

были посланы федеральные войска, которые остаток года обеспечивали студентам беспрепятственное посещение школы. Хотя до 1960 года в смешанных школах афро-американцы составляли меньше 1% всех студентов, приговор по делу Брауна стал указывающим направление для движения за гражданские права в последние годы [6, с. 347].

В 1955-1956 гг. начались массовые выступления негров против сегрегации со стороны белых. Лидером движения стал Мартин Лютер Кинг. Поводом к массовым выступлениям оказался отказ от уступления белому месту в автобусе 43-х летней негритянкой из Монтгомери с последующим её арестом. Развернулась акция «пешком во имя свободы», в которой приняли участия около 50 000 негров [6, с. 347]. В результате доход владельцев автобусов уменьшился на 65%. Через год, когда Верховный суд США признал, что сегрегация на автобусных маршрутах, как и в школах, неконституционна, бойкот прекратился. Чернокожий священник Мартин Лютер Кинг, служивший в баптистской церкви, где прихожанами были негры, стал глашатаем их протеста. «Наступает время, - говорил он, - когда людям надоедает... терпеть свое приниженное положение и покорно сносить жестокие удары» [6, с. 347]. Кинга арестовали, как это будет с ним еще не раз.

Черные американцы добивались равного с белыми права голоса. Хотя 15-я поправка к конституции устанавливала такое право, во многих штатах ее обходили, вводя налог с избирателей или тест на грамотность. Эйзенхауэр и лидер большинства в сенате Линдон Б. Джонсон объединили усилия, чтобы право голоса было гарантировано конгрессом. Закон о гражданских правах 1957 г. - первая подобная мера за 92 года после окончания Гражданской войны - был шагом вперед, поскольку давал федеральным властям полномочия пресекать все попытки помешать черным гражданам участвовать в голосовании [31, с. 334]. Закон не всегда соблюдался, и в 1960 г. была повышена мера ответственности за его нарушение. Но и новый закон не обязывал федеральные власти брать на учет черных избирателей.

Таким образом, восемь лет правления Президента Д. Эйзенхауэра историки оценивают в целом позитивно как период мира и экономического роста. ВВП за 8 лет вырос на 45%. Валовой национальный продукт впервые в истории США достиг 500 млрд. долл. Персональные доходы американцев увеличились на 47%, их сбережения повысились на 37%. Было построено 9 млн. новых домов [31, с. 334].

Слабым местом в социальной политике Президента Эйзенхауэра историки считают его неготовность принять закон о равных правах американцев. Хотя до 1960 года в смешанных школах афро-американцы составляли меньше 1% всех студентов, приговор по делу Брауна стал указывающим направление для движения за гражданские права в последние годы. Президент боялся, что его белые друзья из южных штатов не поймут его поддержку идеи о прекращении сегрегации в школах, где их дети сидели бы в одном классе с черными переростками из бедных семей. Эйзенхауэр ждал, когда страна созреет для таких реформ. Между тем, в стране происходили волнения на расовой почве, а правительство откладывало их радикальное решение.

4. Внешнеполитическая стратегия Эйзенхауэра и усиление американской политики

«холодной войны»

Все внешнеполитические акции правительства Д. Эйзенхауэра были неразрывно связаны с деятельностью Совета национальной безопасности. В период администрации Д. Эйзенхауэра большое развитие получили отделы Совета национальной безопасности. Главный документ СНБ, который ежегодно тщательно готовили и анализировали на заседаниях, - «Основная политика в области национальной безопасности» - представлял собой глобальный обзор внешнеполитических проблем [44, с. 46-48]. Он давал общую политическую директиву всем правительственным учреждениям, связанным с национальной безопасностью. Документ содержал широкий обзор целей национальной стратегии США, а также подробное изложение военных, политических, экономических и внутривластных факторов, необходимых для реализации этой стратегии. Несмотря на чрезвычайную важность, его объем не превышал 25 страниц. С 1953 г. Совет приступил к разработке плана реорганизации Пентагона и вооруженных сил США. Программа реорганизации, получившая позже название «New Look», предусматривала создание таких вооруженных сил страны, которые, по замыслу их авторов, были бы лучшими в мире и включали в себя все достижения науки середины XX в.

5 апреля 1954 г. Совет национальной безопасности рассматривал меморандум Пентагона «О позиции армии», в котором говорилось, что, «если США намерены принять участие в наземных военных действиях для победы в Индокитае - в том случае, если французы уйдут, а китайские коммунисты не станут вмешиваться, - потребуется семь американских дивизий или эквивалентные вооруженные силы с соответствующей поддержкой с моря и с воздуха» [40, с. 269].

В 1954 г. Совет национальной безопасности санкционировал так называемый «банановый переворот» в Гватемале, приведший к свержению правительства Хакобо Арбенса Гусмана, в котором видную роль играли коммунисты.

В июле 1954 г. французы покинули Вьетнам, и США постарались занять место старой колониальной державы. Оставить Вьетнам вьетнамцам - такой вариант американские стратеги даже не рассматривали, хотя президент Эйзенхауэр полагал, что в случае проведения во всей стране выборов Хо Ши Мин получит 80% голосов избирателей. В июле 1954 г. политики и военные (с одной стороны, госсекретарь Даллес, с другой - генералы Редфорд и Туайнинг) активно работали над собственными вариантами разрешения вьетнамской проблемы. Предполагались высадка войск в Хайфоне, короткий марш-бросок на Ханой и операции местного значения для подавления локальных очагов сопротивления [31, с. 334].

Цена, которую предстояло уплатить за контроль над Индокитаем, была велика как в экономическом, так и в военном и политическом отношении. Американское руководство тогда предпочло списать со счетов Северный Вьетнам и консолидировать оставшуюся под своим руководством южную часть Вьетнама. Президент Эйзенхауэр должен был принять во внимание обескураживающий факт: западные союзники предпочитали, чтобы США выполняли свою миссию в одиночестве, от оказания помощи они воздерживались.

В 1956 г. англо-франко-израильские агрессоры совершили нападение на Египет, которое произошло незадолго до президентских выборов в США. 24 августа государственный секретарь Даллес сделал сообщение о Суэце на заседании Совета национальной безопасности. Опасение за исход избирательной кампании вынудило Соединенные Штаты воздержаться от поощрения агрессии.